

№ 151

Р У С С К И Я В Ъ Д О М О С Т И

СЕРЕДА, 2-го ЮЛЯ 1914 г.

3

А. П. Чеховъ въ Ялтѣ.

Чеховъ былъ связанъ съ Ялтой своей болѣзнію. Онъ же любилъ Ялты, называлъ ее въ шутку «Чертовымъ островомъ», потому что здѣсь заставляла его жить необходимость, — по совѣту врачей онъ долженъ былъ пользоваться климатическимъ лѣченіемъ. Но Чеховъ любилъ свою дачу въ Верхней Ауткѣ, близъ Ялты, и особенно свой уютный садъ при дачѣ, который самъ насадилъ. Выросъ теперь этотъ садъ, сталъ тѣнистымъ, красивымъ...

Недавно я посѣтилъ дачу Чехова. Красивая, бѣленькая, чистенькая, она кокетливо выглядываетъ изъ-за зелени деревьевъ. На двери — небольшая дощечка: «А. П. Чеховъ».

Все, положительно все, до послѣдней мебели, осталось на дачѣ такъ, какъ было при Чеховѣ. Небольшой, уютный кабинетъ съ широкимъ окномъ. Слѣва отъ главнаго входа — ниша, гдѣ стоитъ турецкій диванъ. Ниша сдѣлана для того, чтобы не дуло изъ огня... Передъ диваномъ — стулъ и письменный столъ, покрытый синимъ сукномъ. На столѣ — свѣчи, чернильный приборъ, статуэтка, бѣлые слопы, привезенные А. П. — чемъ «изъ далекихъ странъ», докторская трубка для выслушиванія больныхъ, «Календари для врачей на 1903 г.» (два книжечки; лежація слѣва на столѣ), два путеводителя по Крыму; послѣдняя корреспонденція (бащераи); полученная въ 1904 году, послѣ смерти писателя; ручки, карандаши и проч. Справа, около письменнаго стола, стоитъ небольшой столикъ. Здѣсь лежатъ карты (для пасьянса) и коробочка съ двумя оставшимися мятыми конфетами. Около ниши сложены каталоги по садоводству; около окна, на столикѣ, — три тома въ красныхъ переплетахъ: «Вся Россія», «Вся Москва» и «Весь Петербургъ». У письменнаго стола — вольтеровское кресло.

Темные обои... На стѣнѣ — плакатъ, пожелтѣвшій отъ времени: «Здѣсь просить не курить». Чеховъ не любилъ папирснаго дыма; но по своей деликатности не могъ сказать, чтобы при немъ не курили; поэтому былъ вывѣшенъ плакатъ. На стѣнахъ — картины Левитана, вѣтуды брата А. П., Н. П. Чехова, много портретовъ писателей, родныхъ и знакомыхъ Чехова. Около входа въ кабинетъ, на столикѣ, — фотогра-

фитюскія карточка (разставленные еще самим Чеховым) писателей, художников и артистов с их собственноручными надписями для Ант. Павл. Мелькают знакомы лица: Горькій, Немировичъ-Данченко, Щегловъ, Шаляпинъ и др. «Дорогому, любимому»... — говорят автографы на карточкахъ.

На другомъ столѣ—образъ, поднесенный Чехову въ 1897 году крестьянами за постройку школы (отъ крестьянъ сел. Новоселка; дер. Люторецкій, Куринковой и Кузминой Моск. губ.). Тутъ же—статуэтка Толстого.

Справа—отъ входа—каминъ, на которомъ Левитаномъ (гостившимъ передъ смертью у Чехова) написанъ русскій пейзажъ.

На стѣнахъ—портреты Левитана, Кони, Чайковскаго, Достоевскаго и др. Около стѣны, противъ окна, стоитъ книжный шкафъ съ любимыми «классиками».

Рядомъ съ кабинетомъ—спальня А. П. Спальня—небольшая, съ двумя окнами, выходящими въ садъ, и стеклянной дверью на балконъ. Выше, въ первомъ этажѣ,—нѣсколько комнатъ. Одна изъ нихъ называлась «Пушкинской» (на стѣнѣ въ ней виситъ большой портретъ Пушкина) и служила для прѣзжавшихъ гостей. Сейчасъ въ «Пушкинской» комнатѣ стоитъ письменный столъ,—первый столъ Ант. Павл.; приобретенный имъ еще въ Москвѣ...

Красивый видъ открывается съ балкона второго этажа... На фонѣ голубаго неба—горы, а прямо—море...

Выше—садъ... Любимый садъ А. П. Поэтичный уголокъ... Дача расположена вдали отъ города; гдѣ начинается Исарское шоссе. Тихо и уютно.

Здѣсь жилъ Чеховъ почти шесть лѣтъ; съ небольшими интервалами, здѣсь закончилъ онъ свой «Вишневый садъ», измѣнилъ и нѣсколько передѣлалъ «Три сестры» и написалъ «Архіерея» и «Невесту».

Сестра А. П., Марія Павловна Чехова, насколько возможно, хранитъ и оберегаетъ этотъ «уголокъ Чехова». Сейчасъ Марія Павловна живетъ на дачѣ.

Я сижу въ садѣ... Былъ вечерній сумракъ. Въ аллеяхъ сада темно. Было тихо. Нарядно стояли деревья, охватывали душу думы о прошломъ...

Мы обогнули аллею, побывали около любимой скамьи Ант. Павл. подъ тѣнистыми орѣхами.

Марія Павловна рассказывала о жизни любимаго А. П., о томъ, какъ появлялись на заборѣ любовныя письма, когда А. П. гулялъ въ саду, какъ онъ порывался и уходилъ въ комнату, чтобы на нихъ глядѣть...

— Помню...—продолжала тихо Марія Павловна,—маленькій, но характерный эпизодъ. Это было въ концѣ 1903 года. Я только-что вернулась изъ Москвы. Мы сидѣли съ Ант. Павл. въ его кабинетѣ. Онъ—за письменнымъ столомъ, я—около окна. Было замѣчательно уютно (въ комнатѣ... Я рассказывала А. П. о Москвѣ, которую онъ такъ любилъ и которой всегда интересовался. Въ концѣ разговора я сказала, что въ Москвѣ ждутъ отъ него пьесы. Антона молча слушалъ... Затѣмъ, улынувшись, тихо, застѣнчиво проговорилъ: «Пишу, пишу»... Я заинтересовалась названіемъ пьесы. Онъ хотѣлъ сказать, а затѣмъ, оторвавъ съечекъ бумагу, что-то написалъ и подалъ мнѣ ее. Я прочла: «Вишневый садъ»...

Въ Ялтѣ многіе помнятъ Чехова. Интересны нѣкоторые штрихи изъ воспоминаній о Чеховѣ г-жи Харкіевичъ, начальницы ялтинской женской гимназіи съ которой покойный писатель былъ очень друженъ.

Познакомилась г-жа Харкіевичъ съ Чеховымъ въ 1894 г., послѣ побѣды его на Сахалинѣ. Побѣдой на Сахалинѣ А. П. былъ очень доволенъ. Выглядѣлъ бодро. Между прочимъ А. П. рассказывалъ В. К. Харкіевичъ, что въ кассинѣ изъ запертаго на ключъ стола неожиданно пропали его замѣтки о Сахалинѣ. Потомъ замѣтки снова очутились въ столѣ въ цѣлости. Такъ окружающіе интересовались всѣмъ, что писалъ Чеховъ.

— Безконечно милый, добрый, отзывчивый,—рассказываетъ г-жа Харкіевичъ—А. П. не могъ отказать никому въ томъ, о чемъ его просили. Многіе, конечно, пользовались этимъ и буважно осаждали его. Особенно ценились дамы.

«А читали ли вы это?.. А знаете ли вы, что вышелъ такой-то номеръ журнала?.. А каково ваше мнѣніе?»...

Изъ своихъ пьесъ А. П. больше всего любилъ «Чайку». Когда въ Художественномъ театрѣ впервые ставилась «Чайка», А. П. сильно волновался. У Чехова собрались гости. Всѣ видѣли, что А. П. сильно озабоченъ. И только послѣдняя послѣдняя ночью телеграмма объ успѣхѣ «Чайки» успокоила его.

О своихъ произведеніяхъ Чеховъ очень рѣдко говорилъ.

— Какъ-то разъ, — рассказываетъ г-жа Харкіевичъ, — поздно вечеромъ Чеховъ позвонилъ по телефону, прося разрѣшенія зайти. А. П. пришелъ. Лицо его свѣтилось какой-то радостью. Онъ съ необыкновеннымъ радостнымъ чувствомъ сказалъ: «Пишу, пишу!». А потомъ заговорилъ о другомъ.

Позднѣе г-жа Харкіевичъ спросила А. П., почему у него въ тотъ вечеръ былъ такой душевный подъемъ. Чеховъ задумчиво отвѣтилъ:

— Если я долгу не пишу, то мнѣ начинаетъ казаться, что я больше ничего не смогу написать...

Какъ-то Харкіевичъ заинтересовалась, отчего Чеховъ вывелъ женой Ивану сиренку.

— Для того,—сказалъ Чеховъ,—чтобы подчеркнуть ее безумную любовь къ Иванову, для котораго она даже переменила религію...

Друзья Чехова рассказываютъ, что ему приходило «помолчать», посидѣть съ нимъ въ его кабинетѣ и уходилъ отъ него съ чувствомъ удовольствія.

Когда Чеховъ въ гостяхъ попадалъ въ мало знакомое общество, онъ сидѣлъ и садился гдѣ-нибудь въ уголокъ молча наблюдая за всѣми. Въ его писаной книжкѣ, только-что опубликованной въ сборникѣ «Слова» есть такая записка:

«Прѣзжаю къ знакомому, — заужишь, гостей. Очень весело. Мнѣ село болтаетъ съ соседями, пить вино. Настроение хорошее. Выхожу поди»

ется Н. съ важнымъ лицомъ, точно прокуроръ, и произноситъ въ честь мою гость: «Чародѣй слова, идеалы, въ наше время, когда идеалы потускнѣли... Сѣйте разумное, вѣчное»... У меня такое чувство, точно я былъ раньше накрытъ колпакомъ, а теперь колпачокъ сняли, точно въ меня прицѣлились. Послѣ тоста чокались, молчаніе. Аропало веселье.

«Вы теперь должны сказать», — говоритъ сесѣдка. Но что я скажу? Я охотно бы пустилъ въ него бутылкой. И спать ложусь съ осадкомъ въ душѣ. «Смотрите, смотрите, какой дуракъ среди васъ»..

Этотъ случай произошелъ на ужинѣ у т-жи Харкіевичъ. Лицо, говорившее рѣчь, уже умерло.

Чеховъ послѣ этой рѣчи былъ настолько разстроенъ, что даже на другой день валялся.

За время знакомства съ Чеховымъ г-жа Харкіевичъ получила отъ А. П. нѣсколько писемъ. Первое письмо прислано покойнымъ писателемъ изъ Лопасни Московской губ. Датировано письмо 20-мъ мая 1899 г.

«...Каждый день собираюсь написать вамъ и все никакъ не могу собраться. Съ чего прикажете начать? Начну съ Москвы. Тамъ я прожилъ почти до середины мая, вертѣлся въ вихрѣ удовольствій, нанялъ квартиру на цѣлый годъ въ надеждѣ, что мнѣ позволено будетъ провести годъ зимы въ Москвѣ. Квартира прекрасная, на Мал. Дмитровкѣ, это — въ центрѣ города, близъ Страстного монастыря. Высоко, светло, слышенъ чудесный звонъ, отовсюду близко; и одно только неудобство: гости приходятъ непрерывно, съ 8-ми час. утра до 10 час. вечера. Бывали дни, когда я буквально изнемогалъ отъ посѣтителей.

Теперь я въ деревнѣ. Это письмо пишу вамъ, сидя у себя во флигелѣ. Погода бываетъ чаще плохая, чѣмъ хорошая; холодно, небо хмурится, недавно три ночи подрядъ былъ морозъ; ходятъ плотники, каменщики, конопатчики; нужно подолгу торговаться, объяснять, ходить на постройку; — и въ общемъ живется ни скучно, ни весело, а такъ себѣ. И здоровье сносно, лучше даже, чѣмъ оно было въ Ялтѣ. Финансовыя дѣла въ самомъ блестящемъ состояніи: въ Москвѣ въ одинъ мѣсяцъ прожилъ тысячи три, точно въ рулетку проигралъ, а рассчитываю прожить до своей поѣздки въ Крымъ еще столько же, такъ что есть надежда, что отъ моихъ капиталовъ, вырученныхъ за произведенія, скоро останется одно только пріятное воспоминаніе. Въ Ялту я приѣду, вѣроятно, въ концѣ іюня; у меня строится школа, и я не могу выѣхать раньше, чѣмъ не кончится постройка»...

Въ письмѣ этомъ имѣется шутливая приписка:

«Хотѣлъ продать Мезихово и не хотѣлъ; ничего еще не рѣшено. Теперь у меня четыре квартиры; нужно будетъ въ каждой завести по супругѣ, чтобы потомъ онѣ послѣ моей смерти все съѣхались въ Ялтѣ и передрались бы»...

Въ письмѣ отъ 24-го дек. 1903 года Чеховъ между прочимъ писалъ:

«Здѣсь въ Москвѣ спѣшокъ, тихо, тасково. Я здоровъ совершенно, — такъ здоровъ, что даже докторамъ становится совѣстно. Оказывается, вопреки докторамъ, холодъ не имѣетъ никакого вліянія на мое здоровье»...

Въ письмѣ отъ 13-го янв. 1904 года (изъ Москвы) Чеховъ пишетъ:

«Пьеса моя пойдетъ, кажется, 17-го января; успѣха особеннаго не жду»... Въ приведенномъ письмѣ А. П. писалъ о своемъ «Вишневомъ садѣ», который ставился въ Хухожественномъ театрѣ и имѣлъ большой успѣхъ...

А. Б.

Ялта.

Комментарий

Леонтьев Иван Леонтьевич (псевдоним Иван Щеглов; 1856–1911) – писатель и драматург, приятель Чехова.

Харкеевич (Сытенко) Варвара Константиновна (1850–1932) – основательница и начальница Ялтинской женской гимназии с 1877 года.